

★
СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов,
спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы
спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

• ВЫЖИВШИЙ • НА АДСКОМ ОСТРОВЕ

Александр Александрович Тамоников

Выживший на адском острове

Серия «Спецназ Берии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64348202

Выживший на адском острове / Александр Тамоников: Эксмо; Москва;

2021

ISBN 978-5-04-118362-2

Аннотация

В сентябре 1942 года на одном из балтийских островов немцы провели испытания новейшего оружия большой мощности. В качестве мишени нацисты использовали местный концлагерь, который в итоге был полностью уничтожен. Однако одному из узников не только удалось выжить, но и связаться с действующим подпольем. Информация о новом оружии массового поражения дошла до Москвы. Руководство НКВД приказывает группе майора Максима Шелестова завладеть секретной документацией по производству снарядов и, по возможности, уничтожить сам завод...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	37
Глава третья	72
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Тамоников

Выживший на адском острове

Глава первая

Колонна из двадцати человек в полосатых куртках, штанах, шапочках и тяжелых ботинках катила телеги на деревянных колесах с песком по такому же деревянному настилу, проложенному от песчаного конуса на берегу моря к строительной площадке. Точнее, к последнему строящемуся дому одинокого безымянного городка острова Ургедон на северо-западе Германии. Надзиратели из числа эсэсовцев охранной роты с собаками подгоняли их:

– Быстрее, скоты, быстрее! Плетки захотелось?

Узники концлагеря ругались между собой. Ускорить движение можно было только всем вместе, по отдельности не получится.

– Ну чего вы там тянетесь? Катите быстрее. Получим от надзирателей плетей, вечером отдадим должок. Всем отдадим.

Надсмотрщики явно издевались. Заключение и так работали на износ весь последний месяц, но этого эсэсовцам

было мало. Вернее, скучно. Один из них отпустил поводок, и овчарка схватила узника за ногу. Бедолага закричал от боли, бросил тачку, она перевернулась.

– Черт бы тебя побрал! – заорал эсэсовец, не ожидавший такого поворота. – А ну, быстро взял тележку и назад к конусу!

За его спиной раздался голос:

– Развлекаешься, солдат?

Тот подтянул поводок:

– Виноват, герр гауптштурмфюрер, пес сам сорвался.

Начальник концлагеря повысил голос:

– Сам? Да я все видел, Краус. А ну, марш в казарму, положи командиру охранной роты, что я наказал тебя. Пусть отправит тебя чистить сортир.

– Но, герр гауптштурмфюрер, за что? Ведь это, – он указал на узников, – сброд мерзавцев и предателей, заслуживших виселицу...

Начальник лагеря заорал, что есть мочи:

– Ты плохо понял? Передашь оберштурмфюреру Риделю, что я приказал посадить тебя на ночь в карцер после того, как ты вычистишь сортиры. И если ты снова откроешь свой рот, я добьюсь твоей отправки на Восточный фронт. Бегом марш к командиру роты!

Солдат, согнувшись, поспешил к казарме, которая стояла на противоположной стороне острова, обнесенная колючей проволокой.

Начальник лагеря обвел суровым взглядом остальных надзирателей:

– Прекратить травлю и издевательства! Сегодня должен быть закончен последний дом, завтра приезжает инспекция. Если вы своим желанием развлекаться сорвете график, я поставлю вас в строй вместе с арестантами. Где командир взвода?

Подбежал молодой унтерштурмфюрер:

– Я, герр Шрайдер! По вашему приказанию...

Начальник лагеря оборвал взводного:

– Ты где шляешься, Фишер?

– Извините, но я должен контролировать работу и у конусов, и на объекте.

– А то, что на дорожке между ними черт-те что творится, тебя не касается?

Эсэсовец вздохнул:

– Касается. Виноват.

– Знаешь, что делают с виноватыми?

– Так точно!

– Навести порядок и обеспечить бесперебойную работу.

Вон, смотри, твой коллега из второго взвода прекрасно с этим справляется.

Начальник лагеря имел в виду командира взвода охранной роты, надзирающего за узниками, которые подавали группе бетонщиков и каменщиков цемент, щебень, каменные блоки, деревянные конструкции.

– А у Линке работы больше.

– Я все исправлю, герр гауптштурмфюрер.

Начальник концлагеря рассмеялся:

– Конечно, исправишь, Фишер, иначе останешься здесь навсегда.

Эсэсовец побледнел:

– Так точно, герр гауптштурмфюрер!

– Работать!

Унтерштурмфюрер набросился на подчиненных, те кинулись подгонять узников, но уже без плеток и собак. Работа пошла быстрее.

В концлагере Ургедон было собрано сто человек, осужденных к большим срокам, а несколько человек – к смертной казни, позже замененной на тюрьму. Но вместо того, чтобы отправить врагов Рейха в другие лагеря, их собрали здесь на острове, в месте, которое и концлагерем-то можно было назвать лишь условно. Всего два барака, в них – сто узников, привлеченных к строительным работам совместно с инженерами военно-строительных частей.

Сначала среди заключенных это вызвало недоумение, затем сработала пропаганда, мол, им предоставили возможность частично искупить вину, если в течение месяца они построят на острове небольшой городок. В это верилось с трудом, но другого объяснения не было.

Гауптштурмфюрер прошел к помещению между торцом казармы и кухней-столовой. В этом здании были и штаб объ-

екта «Ургедон», и комнаты проживания офицеров.

Шрайдер козырнул дневальному у входа и направился в кабинет начальника объекта штурмбаннфюрера Георга Динера.

– Разрешите? – спросил он, приоткрыв дверь.

– К чему этот формализм, Анкель, заходи, конечно. Был на стройке?

Шрайдер присел на стул у рабочего стола начальника и улыбнулся:

– К сожалению, на острове нет ни ресторанов, ни борделей, ни даже паршивой пивной. Только стройка. Одна сплошная стройка.

– Ты помнишь, что сегодня мы должны закончить город?

– Помню. Осталось немного – достроить второй этаж, накрыть крышей, вставить оконные рамы и застеклить. Бетонешалки работают исправно, материал подвозят безостановочно. Да заката должны успеть. А если нет, то заставим это быдло работать ночью, правда, придется задействовать и солдат, хотя они и не заключенные.

Начальник объекта усмехнулся:

– Долго ли перейти из одной категории в другую? Быдло будет работать столько, сколько надо. Обед следует сократить до пятнадцати минут и провести его в две смены, чтобы не останавливать производственный процесс. Но это уже моя забота.

– А стоит? Узники устали, это заметно, им надо отдохнуть

и подкрепиться. Сократив обед и отдых, мы рискуем получить то, что они начнут валиться с ног прямо на работе, и никакими угрозами их уже будет не поднять. Расстреливать или травить их собаками у нас нет права. Нет самой эффективной возможности заставить быдло работать через силу.

– Надо уметь выполнять задания даже в условиях ограниченных возможностей.

– Мы выполним это задание.

– Значит в 14.00 я могу звонить в Ольденхорст? Там уже ждут.

– Думаю, можете.

– Это не ответ!

– Можете, герр штурмбаннфюрер.

– Хорошо. После завершения объекта, пусть это будет даже глубокая ночь или раннее утро, рота Риделя должна обойти весь остров. Здесь остались старые лодки, прикажите их уничтожить.

– Да, герр штурмбаннфюрер.

– Хорошо, соглашусь с тобой. Обед и отдых – по расписанию. Если нет больше вопросов, жду тебя в нашей столовой в 13.30.

– Да, герр штурмбаннфюрер.

– Ох, Анкель, знал бы, как ты надоел мне своей официальностью.

– Извините, но я, видимо, иначе не могу.

– Ну, ничего, нам вместе осталось работать не более суток.

Потом у каждого своя дорога.

– Да, герр штурмбаннфюрер.

– Свободен!

В 12.30 прозвучали команды офицеров-надзирателей:

– Закончить доставку материала! Новый не загружать! Тележки, тачки – к конусам и площадке! Там же строиться на обед!

Узники давно ждали этой команды. Хоть всего полчаса, но можно отдохнуть и подкрепиться.

Они быстро покатали тележки к конусам на площадке.

У большой кучи песка поставили рядом свои тачки Эрик Влах и Апсель Пехнер. Они оба были немцами, коммунистами, состояли в подпольной группе сопротивления. Их арестовали при попытке подрыва электростанции. Скорый суд приговорил обоих к повешению. Смертная казнь в военное время свершалась быстро. Но случилось чудо. В камере гестапо им объявили, что фюрер помиловал и Влаха, и Пехнера, заменив смертную казнь даже не тюремным заключением, а десятию годами каторжных работ, естественно, на благо Рейха.

Такого еще не было. На следующий день после оглашения приказа о помиловании обоих доставили из родного города Хенсдорф в деревню Туир на берегу Балтики. Оттуда вместе с такими же осужденными на барже перевезли на остров Ургедон. И вот уже прошел месяц, как друзья трудились на

стройке.

Поставив тачку, Влах проговорил:

– До сих пор не понимаю, что это будет за поселок. Дома вроде капитальные, из камня, есть школа, больница, управа, мощеные улицы – все, как на материке, но нет даже намека на канализацию, водопровод и электричество.

Пехнер ответил:

– Нашел, над чем ломать голову. Долго ли все это потом провести?

Влах улыбнулся:

– Ты хоть что-нибудь понимаешь в городском хозяйстве?

– Ну, конечно, не как ты, я по этой части не работал.

– Так вот, все коммуникации прокладываются до того, как возводятся здания. И потом, здесь нет ни очистных сооружений, ни водонапорной башни. Я уж не говорю об электростанции.

– И что ты хочешь этим сказать, Эрик?

– Не нравится мне все это.

– Что не нравится? То, что фюрер нас помиловал и отправил на остров на работы? Да по мне лучше сотню таких городов построить, нежели болтаться в петле на виселице.

– Так-то оно так, но уж слишком по-доброму поступил Гитлер. Уж кому-кому, а ему даже понятие такое, как милосердие, неизвестно. У фюрера одно на уме – высшая раса, недочеловеки, арийцы, которые должны иметь все за счет труда других народов. Ненависть к евреям, цыганам, славя-

нам. На его «фабриках смерти» ежедневно уничтожаются тысячи ни в чем не повинных людей, и вдруг такое благородство. Нет, друг мой Апсель, неспроста все это.

– Хватит, Эрик, а то кто-нибудь услышит и донесет в администрацию.

– А смысл? Ну, получит доносчик благодарность... Нас-то не тронут, потому что мы нужны им. Наш рабский труд им нужен.

– А я вот думаю о другом, Эрик, – задумчиво произнес Пехнер.

– О чем же?

– В подполье наверняка не поверят, что нас не повесили только из-за того, что мы нужны на стройке. Решат, что мы предатели.

– Ага, предатели. Ты со своей тачкой совсем разучился думать. Если бы мы в гестапо сдали подполье, всех бы давно арестовали.

– А откуда тебе знать, что их не арестовали?

– Когда нас везли сюда, ты дом Матиса в деревне видел?

Пехнер кивнул:

– Конечно, нас мимо него провели.

– А самого Леона?

– Его не видел.

– А я видел. Он стоял у калитки и смотрел на пленных. А он – важная персона в подполье. Но его не взяли. Значит, и остальных не тронули. Следовательно, мы не предатели.

Пехнер вздохнул:

– Бежать отсюда надо.

Влах тихо проговорил:

– Есть у меня одна идеяка.

– Что за идеяка?

– Тише, потом...

К ним подошел роттенфюрер из охраны:

– А вам, господа коммунисты и террористы, особое приглашение требуется?

Непривычно вежливо обошелся, мог бы и избить.

– Извините, господин офицер, уже бежим.

Узники кинулись в строй.

Роттенфюрер усмехнулся. Ему было приятно, что его, ефрейтора, называли офицером.

Строй двинулся к столовой. На обед, как всегда, дали постный суп, надоевшую соленую рыбу, сто граммов хлеба и кружку чая – похоже, на всех заварили только одну пачку. Но и на том спасибо. Отобедав, узники вернулись в бараки, где упали на пол между нарами. До отбоя лечь на доски строго запрещалось.

Быстро пролетели эти минуты отдыха.

Прозвучала команда:

– Выходи строиться, бездельники!

Это они-то, вырабатывающие по пять-шесть обычных норм, бездельники? Но – не поспоришь, себе дороже выйдет.

Узников повели к конусам и площадке.

Там, берясь за тачку, Пехнер повторил свой вопрос:

– Так что за идея, Эрик?

– Справа утес видишь? – кивнул Пехнер.

– Ну и что? Да и не утес это – обычный обрыв.

– Нет, не обычный. Там внизу, в заводи, привязана лодка.

Двуместная. Ее отсюда не видно.

– Ну и что?

– На ней можно уплыть. Оттуда до берега, до деревни Тур-ир, всего метров восемьсот.

– Уплыть на виду у эсэсовцев?

– Ночью.

– Ага. И кто тебя ночью из барака выпустит?

– Странный ты, Апсель. Мы что, разрешение спрашивать будем? Выйдем в сортир, это разрешено, а там – стены из досок. Тихо выломаем пару-тройку, а дальше вдоль колючки к конусу, оттуда – к обрыву и – в море. Лагерь-то, как и остров, не имеет вышки с прожекторами, а от генератора освещается только основной сектор да площадка у штаба...

Их разговор снова прервал все тот же роттенфюрер:

– Опять нарушаем? Пора наказать.

Влах изобразил покорность:

– Извините, ради всего святого, герр офицер. Руки уже не держат эти тачки.

– Работать, скоты!

Влах с Пехнером покатали тачки под загрузку.

Но до окончания смены работать не пришлось. Бригада

строителей наконец-то достроила дом.

За дело взялись отделочники.

Основной массе было приказано отвезти тачки к конусам, собрать инструмент, доставить его к казарме, ужинать и отдыхать. Невиданное дело: начальник лагеря разрешил даже лежать на нарах до отбоя. Только ворота до поверки заперли на замок.

Узники собрали инструмент и двинулись к казарме. Там под присмотром эсэсовцев сложили его в одном месте.

Послышалась команда:

– Ужин!

И вновь странное обстоятельство – ужин был объявлен почти на час раньше.

Вернувшись в барак, друзья упали на нары рядом друг с другом.

– Не понимаю, – проговорил Влах.

– Что ты не понимаешь? – спросил Пехнер.

– Ничего не понимаю.

– Закончили работу, вот и загнали всех в барак. А чтобы не гонять надзирателей, разрешили лежать на нарах и заперли. Думаю, завтра нас переведут на материк и отправят еще куда-нибудь строить или ломать, а может, перебыют всех к чертовой матери.

– Хотели бы, давно бы уже всех перестреляли. И – в воду. Наверное, ты прав, увезут нас отсюда и уже завтра. Следовательно – что?

– Что? – безразлично спросил Пехнер.

– Бежать этой ночью надо, вот что.

Пехнер повернулся к другу:

– Ты извини, Эрик, я еще пожить хочу.

– Почему-то ты не думал об этом, когда шел взрывать электростанцию.

– Тогда я другим был. Сейчас сломали. Да-да, не смотри на меня так. Сломали Апселя Пехнера. Все-таки десять лет каторжных работ когда-то закончатся, а с победой Германии вполне возможна амнистия. Я, Эрик, к Марте хочу, домой, понимаешь?

– Да чего уж тут не понять. Но мне одному не справиться.

– Справишься. Ты сильный, тебя не сломали.

– Меня и дома никто не ждет.

– Тем более. Хочешь, беги, я – пас!

– Отдыхай.

Влах отвернулся, и больше они не разговаривали. Апсель Пехнер перестал для него существовать. Умели гитлеровцы добиваться своего.

Он окинул взглядом барак и увидел безразличные, утратившие надежду лица. Эти люди больше не представляют никакой опасности для режима, даже если завтра их выпустят на волю. Такие, скорее, в услужение к фашистам пойдут, чем в Сопротивление. Такие вот дела.

Ровно в 14.00 штурмбаннфюрер Динер снял трубку поле-

вого телефона, слышались гудки (между материком и островом был проложен по дну пролива телефонный кабель).

– Слушаю, – ответил твердый голос из штаба северного командования ПВО в Ольденхорсте. Голос этот, принадлежавший куратору объекта Ургедон штандартенфюреру СС Колману Гартнеру, прибывшему в северо-западный район Германии из Берлина с началом работ на острове.

– Это штурмбаннфюрер Динер.

– Слушаю.

– Докладываю, герр штандартенфюрер. Объект «Ургедон» сегодня к 20.00, – майор перестраховался, назвав более позднее время, – будет готов.

– Я понял вас. Ожидайте. Буду у вас завтра ориентировочно после 14.00. Проверьте взлетно-посадочную полосу.

– Слушаюсь, герр штандартенфюрер. Все лично проверю, при необходимости исправлю и лично вас встречу!

– До свидания, Динер.

– До свидания, герр...

Но полковник уже отключился.

Динер прикурил сигарету.

Чего ждать от приезда штандартенфюрера, получившего в определенных кругах прозвище Черный Барон? Простой инспекции? В этом смысле все было в порядке: городок построен по всем правилам. Проверка содержания узников? А кому они нужны? Хотя Гартнер получил прозвище Черный Барон за назойливость, непредсказуемость и весьма жесткие

меры, если что-то было не по нему. Он отличался жестокостью, полным пренебрежением к жизни других, в том числе и своих сослуживцев, фанатичной верностью фюреру и железным характером. Так что же ждать? Переброска в другое место? Но это не планировалось.

Выкурив сигарету, штурмбаннфюрер плеснул себе в бокал виски. Подумал, надо убрать бутылку – все же она доставлена из Британии. Но даже не в этом дело: Черный Барон терпеть не может спиртное и табак. Следует подготовить человека из obsługi, который умел бы хорошо заваривать кофе. Абы какой напиток капризный Гартнер пить не будет.

Сегодня на острове отбой был объявлен на час раньше, в 23.00, чтобы в 5.00 все уже находились на плацу. Предстояла общая уборка территории, особенно северной ее части – там следовало выровнять остатки песка, щебня, убрать стройматериалы.

Перед отбоем к начальнику объекта пришел Шрайдер:

– Прибрежная часть острова осмотрена. Три лодки и один малый баркас затоплены.

– Точно все проверено?

– Сам обошел.

– Смотри, если то, что не увидел ты, завтра заметит Гартнер, плохо тебе придется.

Начальник лагеря насторожился:

– Завтра прибывает Черный Барон?

– Да, Анкель, собственной персоной.

– Цель визита обозначена?

Динер усмехнулся:

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы заранее было слышно, куда и зачем собирается штандартенфюрер?

– Нет, не слышал. А знаете, меня тревожит его визит.

– Почему? – Динер уставился на начальника лагеря. – У тебя что-то не в порядке?

– Да нет. Утром заключенные все выметут, вымоют – остров будет блестеть. Но это все же Черный Барон...

– Ищи недочеты сейчас, чтобы завтра избежать неприятностей.

– Хорошо, я еще раз все обойду, но уже с утра. Но, герр штурмбаннфюрер, у нас взлетно-посадочная полоса в нескольких местах разбита.

Динер воскликнул:

– Черт возьми, я же обещал Гартнеру лично проследить за ее состоянием! Ты вот что, с утра выдели на полосу человек двадцать заключенных. Пусть они возьмут инструмент и тачки. Хотя бы щебнем закидаем повреждения.

– А когда обещал прилететь Барон?

– После 14.00.

– Тогда успеем даже забетонировать.

– Уверен, что бетон застынет?

– Не уверен, – проговорил Шрайдер, – придется утрамбовывать щебень.

– Вот и я об этом. Что у нас еще по полосе?

– Флюгер старый и рваный. Он не направление ветра показывает, а болтается тряпкой.

– Чем заменить есть?

– Есть!

– Передашь командиру взвода охраны: пусть повесят новый.

– Слушаюсь.

Штурмбанфюрер немного подумал и предложил:

– Выпьешь, Анкель?

– У вас виски?

– Да.

– Немного выпью.

– Тогда возьми в шкафу бутылку и бокал.

Начальник лагеря сделал глоток.

– Крепкий, но до русской водки не дотягивает. А запах? Как вы пьете это пойло наших врагов?

– По-твоему, шнапс лучше? Это же наша водка. Ее пьют только патриоты.

– Не лучше, хоть и наша. Пойду проверю караул.

– Проверь, Анкель, проверь, неприятности нам ни к чему.

И предупреди начальника караула: если кто-то из заключенных решится на побег, не убивать а взять живым.

– Отсюда некуда бежать. Но я предупрежу командира роты.

Динер недовольно проговорил:

– Нет ничего хуже, чем перекладывать дело на других. По-

ручи работу одному, он ее сделает. Поручи троим – провалят, потому что начнут спорить, кто старший, а потом еще и понадеются друг на друга.

– Я понял.

– Спокойной ночи, Анкель.

– Спокойной ночи, герр Динер.

Шрайдер вызвал командира охранной роты оберштурмфюрера Риделя и с ним направился на обход.

Начали с бараков. Те – на запоре.

Ридель сказал:

– Плохо, что начальство не удосужилось полностью укомплектовать объект охраной.

– Что ты имеешь в виду?

– Вышки с прожекторами. Висят светильники, от которых никакого толку, да и висят они только на южной стороне.

– Что тут освещать?

– Море, пролив, территорию.

Шрайдер рассмеялся:

– Ты думаешь, на Ургедон высадится морской десант британцев? Он им не нужен. Главное, чтобы караул за заключенными смотрел, а для этого освещения достаточно. Кстати, Динер предупредил: если будет попытка побега, в беглеца не стрелять, брать живым.

– Кто из этой безвольной массы решится на побег? И куда бежать? В море? Так это равноценно самоубийству.

– Вот, – поднял вверх указательный палец Шрайдер. – Са-

моубийство. А ведь кто-то может пойти на это. Поэтому оповести часовых, которые будут нести службу у барачных, – периодически открывать ставни и смотреть внутрь.

– Это не спасет, герр гауптштурмфюрер. Если кто-то сойдет с ума и решит свести счеты с жизнью, то сделает это все равно.

– Мое дело предупредить.

– Я учел ваше предупреждение.

Барачники спали. Только Влах считал время – по сменам караула. Караул заступал в 19.00 и менялся через два часа. Прошли уже две смены, сейчас стоит часовая третья смена, значит, время – около полуночи. Пора.

Для похода в сортир в бараках был сделан отдельный ход, ближе к восточному торцу здания.

Влах поднялся. Пехнер, оказывается, не спал:

– Пошел?

– Да.

– Ты извини меня, Эрик, я не могу. Если тебе удастся сбежать, передай Марте, что я жив.

– Передам.

– И, это... пожалуйста, Паулю – что я вне игры. Своих я не сдал, да уж, наверное, и не спросят. Объясни, я просто хочу выжить. Не могу сопротивляться, буду терпеть до освобождения.

– Терпи, Апсель. Не хотел я с тобой говорить, но все же столько вместе сделали... прощай.

– Удаchi тебе.

Влах постучал в дверь. Педантичные немцы предусмотрели все. Часовой не имел права разговаривать на посту, но обязан был реагировать на естественные желания заключенных. Поэтому он подошел к столбу, на котором висел светильник, достал телефон, вставил вилку в розетку. Ему ответил помощник начальника караула:

– Слушаю тебя, Второй!

– Здесь заключенный в сортир просится.

– Что, потерпеть не может?

– Не знаю, стучит в специальную дверь.

– Один?

– Не могу знать!

– Ладно, я сейчас подойду.

Обершарфюрер пришел с солдатом отдыхающей смены. Открыл дверь.

– Я, господин офицер, в туалет хочу, сил нет, – захныкал Влах.

– А если не выпущу, обделаешься?

– Непременно и скоро, весь барак проснется... сами понимаете.

– Давай бегом туда-сюда.

– Да, герр офицер.

Обершарфюрер кивнул караульному:

– Смотри!

– Слушаюсь. – Солдат встал в торце, не подходя к сорти-

рам.

Тем временем Эрик, издавая соответствующие звуки, украденными со стройки кусачками уже вытягивал гвозди из стенных досок. Готово! Он пролез в образовавшийся проем и откатился к столбу колючей проволоки.

Караульный услышал подозрительный шум. Подозвал помощника начальника караула:

– Герр обершарфюрер, в сортире непонятное происходит.

– Что, несет засранца?

– По-моему, скрипнули доски и потом был какой-то шелест, вроде как травы. А она – за сортирами.

Помощник начальника караула принял решение мгновенно:

– За мной, без приказа не стрелять. Часовому – закрыть дверь!

Недалеко ушел Влах. Эх, если бы не этот эсэсовец с острым слухом...

Его настигли еще в секторе барачков. Он бросился на обершарфюрера, но получил ногой в живот. От резкой боли согнулся пополам.

Помощник начальника караула обратился к караульному:

– Вербка с собой?

– Так точно.

– Вяжи его.

Солдат короткой веревкой связал Влаху руки, рывком поднял его на ноги.

Подошел обершарфюрер:

– Неужели решил бежать?

– И что?

– Ты опозорил нашу нацию, тебе нет места в Германии.

Ты знаешь, что будет за попытку побега?

– Лучше расстреляйте, чем жить рабом.

– Расстрелять? А не тебя ли, случайно, помиловал фюрер?

– Не только меня.

– И такова твоя благодарность?

– Я не просил о помиловании.

– Ну, теперь ты точно сдохнешь! В карцер его!

Пока караульный бегал за ключами, обершарфюрер спросил Влаха:

– Чего тебе, скотина, не хватало? Фюрер вывел страну из кризиса, захватил Европу, на нас стали работать все. Впереди освоение бескрайних земель России. Ты представляешь, какая жизнь ждала тебя, не ступи ты на преступный путь? Ты был бы хозяином поместья где-нибудь в Крыму. Рядом море. На тебя работали бы рабы, деньги текли рекой. А ты бы наслаждался жизнью. Хочешь, живи в России, хочешь, езжай в Бельгию или Францию. И везде тебе стали бы кланяться, как хозяину.

Влах злобно проговорил:

– Смотри, обершарфюрер, как бы твой Гитлер не обломал бы себе зубы в России. Гитлер ведет страну к катастрофе. Ему никогда не победить Советский Союз. Фашизму нет ме-

ста на этой земле...

Он не договорил – получил удар в лицо. Из носа пошла кровь, правый глаз начал медленно заплывать.

– Заткнись, тварь. Тебе и рабом не быть. Слишком большая честь – работать на высшую расу. Ты сдохнешь.

– Посмотрим. Но если сдохну я, то и тебе недолго жить на этом свете, фашистская сволочь.

Вторым ударом обершарфюрер содрал ему кожу на щеке и выбил зуб.

– Ну давай, бей беззащитного, мразь. Вы только так и умеете...

Обершарфюрер вспомнил строгий приказ брать беглецов живыми. Не дай бог, подохнет, с него самого тогда погони снимут и к этим свиньям в барак бросят. Он плюнул в лицо Влаха и отошел в сторону.

Вскоре Эрик уже лежал на бетонном полу подвала. Это был карцер. Для каждого барака он был свой. Ничего, кроме бетона, бадьи для туалета и фляги с затхлой водой. Холод пронзил Влаха. Хорошо хоть руки развязали: можно прыгать, размахивая руками, греться. До утра. А там с ним начнет разбираться сам штурмбаннфюрер. И чем закончится это разбирательство – неизвестно.

Подъем прошел в 5.00. Заключенных вывели из барачных, они побежали к сортирам. Затем – завтрак: черный хлеб и чай без сахара. Потом – общий развод.

Перед строем вышел только что плотно позавтракавший

Динер. Оберштурмфюрер подал команду «смирно» и стал докладывать начальнику о попытке побега. Не дослушав, Шрайдер взорвался:

– Все-таки кто-то решился? А меня заверяли, что отсюда бежать некуда!

Ридель проговорил:

– Все ошибаются, герр штурмбаннфюрер.

– Где этот подонок?

– В карцере.

– Пусть сидит. Выпустить в 14.00.

После этого он отдал приказ развести заключенных для наведения порядка. Закричали командиры взводов охранной роты, эсэсовцы начали делить строй на три части. Самую большую отправили на север, две, поменьше, распределили на жилой сектор и на ремонт взлетно-посадочной полосы.

Зашуршали метлы, зазакрипели тачки со щебнем.

Работы продолжались до полудня. Обед объявили в 13.00.

Штурмбанфюрер с начальником лагеря пошли осматривать территорию, в первую очередь взлетно-посадочную полосу. В это время один солдат, забравшись на высокий шест, растянутый тросами, сбросил рваную выцветшую тряпку и закрепил на шесте красно-белый колокол-флюгер, который сразу же наполнился ветром и повернулся узким концом на юг. С моря дул сильный ветер.

Шрайдер проговорил:

– А неплохо получилось, герр Динер?

– Неплохо. Но это для нас с тобой. Вот увидишь, Черный Барон обязательно найдет какие-нибудь изъяны.

– Ну, знаете, можно и к столбу выставить претензии.

– Он увидит то, что не видим мы с тобой.

– А что смотреть? Дома построены крепкие, стены толщиной в полметра, современные рамы, чистые стекла. Даже балконы покрашены. Дорожки, тротуары, мощеные улицы, школа вполне современная, больница, которой позавидовал бы любой медперсонал на материке. Не хватает только людей – без них город смотрится мертвым.

– Будут люди, много людей.

– Не понял.

– Не надо задавать лишних вопросов, Анкель. Черт! – Начальник объекта остановился.

– Что такое? – испугался Шрайдер.

– Заключение в карцере, мы совсем забыли о нем.

Анкель облегченно вздохнул:

– Наверное, уже сдох. Ему даже еды не давали.

Динер приказал:

– Давай туда, Анкель, вытащи этого заключенного. Если живой, быстро напоить, накормить и в барак... А если сдох, груз к ногам – и в море. А что, если Гартнер начнет считать узников? Он в курсе, сколько человек сюда направили.

– Неужели дойдет до этого? Он же барон.

– Это только прозвище. Гартнер из интеллигентной, но бедной семьи. Сам выбился в люди, занял генеральскую

должность в РСХА. А это не так-то просто.

– Я понял вас.

Шрайдер вызвал командира охранной роты.

– Открыть карцер!

Заключенный был жив, но сил потерял много.

Влаха вытащили наверх, врач лагеря осмотрел его, дал пару пилюль, сделал укол. Там же, в медпункте, Эрика накормили, напоили и отправили обратно в барак.

Пехнер удивленно вздохнул, увидев друга:

– Не удалось, Эрик?

– Да пошел ты.

Влах был зол сам на себя: не смог тихо уйти. Каким бы слухом ни обладал караульный, он обязан был сбежать. Ведь был уже практически у колючки!

– Я-то пойду, Эрик, а вот что теперь с тобой будет? Думаю, публичная казнь.

– Ну вот и посмотришь, хоть какое-то разнообразие.

– Я не враг тебе, Эрик.

– Но и не друг. Пошел бы со мной, вдвоем мы бы ушли. Караульный был один, его можно было завалить и завладеть винтовкой.

Пехнер отшатнулся от Влаха:

– Нет, что ты, только не это! Не надо злить врага. Нам из-за тебя тоже теперь достанется.

– Отстань.

Влах хотел лечь на нары, но вошел командир охранной

роты, оберштурмфюрер Маркус Ридель.

– Слушать меня! На остров прибывает высокий чин СС. Всем сидеть в бараке тихо. Последует команда – выходить без суеты, организованно и быстро. Да, и приведите себя в порядок. А то вид у вас какой-то убогий.

Он ушел повторить приказ во втором бараке.

В 13.45 на краю летного поля выстроились штурмбанн-фюрер Динер, гауптштурмфюрер Шрайдер и оберштурмфюрер Ридель. Командиры взводов остались с личным составом. Один из них исполнял должность начальника караула.

Вскоре раздался приближающийся шум двигателей, затем показался транспортный «Хенкель-111», переоборудованный в пассажирский борт для переброски высокопоставленных чинов.

Экипаж завел его на взлетно-посадочную полосу, шасси коснулись бетонки, самолет уверенно развернулся на рулевой дорожке и подкатил к месту, где когда-то стоял центр управления полетом, так называемая «вышка». В 1939–40-х годах этот аэродром функционировал как запасной для полка бомбардировщиков Ольденхорста, но однажды подвергся налету британской авиации. Здания и сооружения были разбиты, но взлетно-посадочная полоса сохранилась.

До этого дня она не использовалась. Сегодня заключенные очистили «взлетку».

Экипаж «Хенкель-111» заглушил двигатели. В двери показался стрелок-радист. Он выставил трап, по которому, по-

игрывая тростью, на землю спустились штандартенфюрер СС Колман Гартнер и его неизменный помощник унтерштурмфюрер СС Отто Баум с портфелем. Поговаривали, что Баум являлся не только помощником Черного Барона, но и его любовником, но это были, скорее всего, лишь слухи.

Динер, чеканя шаг, пошел к Барону и вскинул руку в нацистском приветствии:

– Хайль Гитлер!

– Хайль! – ответили ему Гартнер и Баум.

Динер начал было положенный в таких случаях доклад, но Гартнер остановил его:

– Не здесь, штурмбаннфюрер. Считаю, что формальности соблюдены. Распорядитесь, чтобы подготовили место для отдыха членам экипажа, а также обеспечьте их сытным обедом.

– Так точно.

– И еще, – сказал Гартнер, – обеспечьте охрану борта.

– Слушаюсь, герр штандартенфюрер. Шрайдер, слышали приказ?

– Так точно.

– Выполнять.

Черный Барон с помощником двинулись к строениям. Начальник объекта с командиром охранной роты последовали за ними.

В центре только что построенного городка Гартнер остановился и обернулся к Динеру:

– Разве по проекту в домах не предполагалось помещений

для магазинов, кафе, для развлекательных заведений?

Штурмбаннфюрер ответил:

– Все построено строго по проектам, переданным мне в Ольденхорсте.

– Это упущение. Не ваше.

Штандартенфюрер зашел в первый подъезд, осмотрел квартиры. Приказал помощнику подать линейку. Лично замерил толщину стен, перегородок, проверил качество дверей, окон.

Потом обошел весь дом. И так все следующие строения, не оставляя без внимания ни одной мелочи. В конце обхода он вышел к сектору строительных материалов.

Динер доложил:

– Это то, что осталось.

– Я вижу.

– Прикажете убрать?

Жесткий взгляд пронзил штурмбаннфюрера:

– Куда?

– Можно и в море.

– Нет. Стройматериалы пусть остаются. Вы осматривали побережье?

Это было в стиле полковника – вот так внезапно переходить с одной темы на другую.

Динер вытянулся:

– Так точно, герр штандартенфюрер. Обход делал начальник лагеря.

Гартнер взглянул на Шрайдера:

– Что он дал?

– На берегу были старые лодки, ржавый баркас, которые остались еще с довоенных лет. Мне был отдан приказ затопить их. Приказ выполнен.

– Уверены, что утопили все плавсредства?

– Так точно, герр штандартенфюрер.

Гартнер приказал:

– Вам, гауптштурмфюрер, продолжить несение службы по распорядку. Можете ослабить режим для заключенных, в разумных, естественно, пределах, выпустите их из барака. Заодно я со стороны посмотрю на них. А мы, – он ткнул тростью в Динера, – с вами и моим помощником пройдем в штаб. Ведите, Динер!

– Слушаюсь. Прошу за мной.

По пути штандартенфюрер внимательно осматривал дороги, улицы, переулки, особенно обращая внимание на качество покрытий. Складывалось впечатление, что тут строился город для офицерского состава, имеющего особые заслуги перед Рейхом. Если бы не отсутствие каких-либо коммуникаций и постоянных угроз налета британской авиации...

Они зашли в кабинет Динера. Гартнер сел в кресло штурмбаннфюрера, самому Динеру пришлось пристроиться рядом, напротив помощника.

– У вас не найдется выпить, штурмбаннфюрер? – как бы между прочим спросил Гартнер.

Динер про себя усмехнулся, ему был известен этот трюк Черного Барона. Скажешь «есть», и попал. Поэтому он отчеканил:

– Никак нет, герр штандартенфюрер, на острове строгий сухой закон.

– Похвально, но хоть кофе-то вы меня угостите?

– Это пожалуйста.

– Только не предлагайте то, что продают в каждой лавке.

Если у вас нет хорошего кофе, обойдемся без него.

– У нас есть настоящая «Арабика».

Гартнер удивился:

– Здесь – и «Арабика»?

– Так точно. Мне лично передал его из Африки бывший сослуживец.

– О, это хорошо, но «Арабику» надо уметь готовить!

– Не беспокойтесь, такой человек найдется.

– Вы удивляете меня, Динер. С хорошей стороны.

Штурмбаннфюрер распорядился, и вскоре в кабинет принесли три чашки крепкого ароматного напитка.

Гартнер сделал глоток:

– Да, это настоящая «Арабика». Благодарю.

– Я отдам вам весь свой запас. Я могу пить кофе и попросе.

– Буду весьма признателен. Не отдадите, а продадите, я подарки не принимаю!

– Но мне неудобно брать с вас деньги.

- Тогда оставьте кофе при себе.
- Хорошо. Цену определите сами.
- Я знаю ее.

Закончив с кофе, перешли к делам.

Штандартенфюрер обладал незаурядной памятью, он запомнил расположение всех зданий.

– Даже небольшую котельную поставили, хотя она значится в реестре дополнительных сооружений. Могли и не строить.

– Мы старались сделать как лучше.

– И вы справились с задачей. Я выношу вам благодарность.

– Служу Великой Германии, – вытянувшись, выкрикнул Динер.

– Садитесь, вижу, что служите. Объект принимается. Где ваши документы, меня интересуют акты приемки.

«Кому нужны эти бумаги? Они никакой ценности не представляют и даже не засекречены, но порядок есть порядок».

Динер достал из сейфа документацию и положил ее перед Гартнером.

Тот подписал акты. Один экземпляр передал помощнику.

– А теперь слушайте внимательно, штурмбаннфюрер. Завтра, ближе к полудню, к острову подойдет буксир с закрытой баржей. На ней вы, начальник лагеря и вся охранная рота уйдете с острова. О месте дальнейшей службы вы узнаете в деревне Туир.

Динер крайне удивился:

– Вы сказали – я, начальник лагеря и вся охранная рота?

– У вас плохо со слухом?

– Нет, а... заключенные? Они останутся?

– Да. Перед отходом вы выпустите их из бараков, оставите им продукты и пресную воду.

– Не понимаю.

Полковник СС повысил голос:

– А вам и не надо ничего понимать. Вы сделали свое дело. Остров переходит в мое распоряжение. А что буду делать я, вас не касается. Теперь понятно?

– Я удивлен.

– Я спросил, вам все понятно?

– Так точно.

– И смотрите, Динер, не портите себе карьеру. Приказ должен быть исполнен в точности.

– Да, герр штандартенфюрер.

– Благодарю за кофе. Предупредите экипаж: мы возвращаемся в Ольденхорст.

– Слушаюсь, герр штандартенфюрер.

– Кофе доставьте на борт, вот плата. – Он положил на стол несколько купюр.

Глава вторая

Как только «Хенкель-111» взлетел с аэродрома Ургедона, штурмбаннфюрер отдал приказ:

– Всем офицерам, кроме начальника караула, пройти в мой кабинет.

В служебном помещении начальник объекта оглядел офицеров:

– Первое, что я должен довести до вас, – объект принят. Гартнер, как ни странно, остался доволен, хотя старательно пытался это скрыть.

Шрайдер не сдержался:

– И что дальше?

– А дальше, Анкель, – штурмбаннфюрер повысил голос, – не надо меня перебивать.

– Извините, вырвалось.

– Дальше – следующее. Завтра в районе полудня к острову должен подойти грузовой буксир с закрытой баржей. На ней весь личный состав объекта будет перевезен на материк, к деревне Туир. Там решится наша дальнейшая судьба.

Начальник лагеря и командир охранной роты переглянулись.

Динер спросил:

– Удивлены?

– Более чем, – произнес Шрайдер, – мы что, оставим за-

ключенных без охраны, или их предстоит уничтожить?

– Ни о каком уничтожении не может быть и речи. Это приказ штандартенфюрера Гартнера. Более того, перед отходом мы должны выпустить их из барачков, оставить им на кухне продукты и воду.

– Ничего не понимаю, – проговорил Ридель.

– Вот и я высказал то же самое. Гартнер ответил, что нас с вами дальнейшие дела Ургедона не касаются. Так что мы выполняем приказ, иначе... ну, вы знаете, кто такой Черный Барон и на что он способен. Готовьтесь к эвакуации, господа. С утра после завтрака охранная рота в полном составе должна находиться у барачков. Караул снять утром.

Ридель воскликнул:

– Но эти чертовы заключенные разнесут тут все!

– Не думаю, – ответил Динер. – Если мы удивлены решением командования, то несложно представить, в какой растерянности будут сами заключенные, когда останутся одни на этом острове.

– Это – да, – сказал Шрайдер, – но они могут попытаться бежать.

– Куда?

– Да в ту же деревню.

– Вплавь?

– На острове остается много дерева, да и снять полы и балки перекрытия не составит труда. Из них можно сделать плоты, а вместо весел использовать лопаты. И – вперед, к

Туиру, а дальше – по всей округе.

Динер, прикурив сигарету, покачал головой:

– Ты считаешь, Черный Барон не предусмотрел этот вариант?

– Если бы предусмотрел, должен был дать команду перекрыть берег. Проще было отдать приказ уничтожить заключенных, мы сделали бы это в течение часа.

Динер выпустил дым.

– Господа, давайте не будем обсуждать приказы Гартнера. Это весьма неблагодарное и небезопасное занятие. Мы получили приказ, мы его выполним, а что будет с островом и заключенными – какая нам разница? Ясно, что их отсюда живыми не выпустят. Ясно и то, что они пока для чего-то нужны Гартнеру. Предлагаю немного выпить за завершение нашей миссии на этом острове.

Ридель проговорил:

– Только и остается.

– Предупреждаю, господа, выпить – не значит напиться. Уверен, нас ждет отдых, вот тогда мы и выпьем как следует, и наведаемся в лучшие бордели. А сейчас по сто граммов и больше – ни капли.

Он достал бутылку виски, наполнил по кругу широкие бокалы. Офицеры выпили.

Динер приказал:

– Ридель, занимайся ротой, обеспечь смену караула, конвоирование заключенных на ужин, вечернюю поверку. Пере-

дай солдатам, чтобы вычистили кухни и собрали продовольствие и воду на складе. Склад не закрывать. Отбой, как всегда, в 00 часов, подъем в 6.00 и далее до полудня – по расписанию. Вопросы есть?

Командир роты поднялся с места:

– У меня нет.

Динер кивнул:

– Свободны. Шрайдер, останься.

Как только ротный ушел, начальник объекта налил в бокал еще по сто граммов.

– Маркусу работать с ротой, а мы можем выпить и еще. Кстати, Черный Барон объявил всем офицерам благодарность.

– Это, конечно, приятно, но что стоит за действиями Гартнера?

Динер поморщился:

– Слушай, Анкель, давай больше не возвращаться к этой теме. Нам ни за что не просчитать замысла штандартенфюрера, да и не надо этого. Лучше подумай, где мы разместимся в Ольденхорсте.

– Почему там?

– В деревне Гартнер объявит нам о новом месте службы, но не оставит же нас там? Или в Хендсдорфе? Уверен, какое-то время мы проведем в Ольдерхорсте.

– О, в городе полно ресторанов, кафе. А на восточной окраине, по Купферштрассе, 6, стоит двухэтажный особняк.

На первом этаже кафе «Линда» по имени владелицы, Линды Кренц. Это гостевой дом, а фактически – вполне приличный бордель. Там и кухня хорошая, и девочки отменные.

– Откуда ты знаешь этот бордель? Бывал там?

– Дважды. Когда прибыл в штаб батальона СС для дальнейшей отправки на остров и перед самым отъездом. Меня туда водил помощник начальника штаба, оберштурмфюрер, не помню его фамилии, имя Удо. Мне понравилось. И недорого, и чистенько, и безопасно. Девочки – все немки, а сам гостевой дом, как сказал оберштурмфюрер, под покровительством начальника гестапо.

Динер кивнул:

– Ну что ж, «Линда» так «Линда». Вопрос, сколько времени дадут нам на отдых. Думаю, не меньше недели. Интересно, куда нас отправят?

Шрайдер поморщился:

– Лишь бы не на Восточный фронт.

Штурмбаннфюрер недовольно посмотрел на начальника лагеря:

– Ты боишься попасть на Восточный фронт? Боишься русских?

– Зачем вы так, герр Динер, я никого не боюсь, но близится зима. А она в России жестокая. Я не переношу холода. Кстати, в отделе управления, где я служил до отправки в командировку, у меня был товарищ. Сам напросился в Россию и вернулся в феврале с обмороженными ногами, кото-

рые, в конце концов, пришлось ампутировать. Сейчас он на протезах служит в управе какого-то района под Лейпцигом. Нет, если получим приказ, то мы, верные фюреру, отправимся хоть в ад, но лучше бы избежать этого. Туда мы всегда успеем.

– Разумно. Между нами говоря, я тоже не стремлюсь в Россию. Хотя наверняка мог бы претендовать на высокую должность на оккупированных территориях. Посмотрим, как все сложится.

– Да, гадать бессмысленно.

– Еще по сто граммов?

– Нет, по-моему, это уже лишнее.

– Ты прав.

– И что теперь делать, не представляю.

– Выпись.

– Да разве сейчас уснешь?

– Ну, тогда неси службу. До полудня он будет в силе.

– Пройдусь еще раз, осмотрю прибрежную линию.

– Верное решение. А я прилягу, устал.

– Это от нервов, все же инспекция Черного Барона – это не шутка.

– Да. Если что, буду у себя.

– Хорошо.

На ужин заключенных вывели по старому распорядку. Пехнер пристроился рядом с Влахом:

– Почему тебя отпустили, Эрик?

Влах прошипел:

– Отстань от меня.

– Но попытку побега гитлеровцы не прощают, а тебя отпустили.

– Еще слово, и я задушю тебя.

– Хорошо, молчу. Главное, мы живы. И я увижу свою Марту.

– Увидишь. В ином мире.

– Не говори так.

– Отвали.

После ужина время пролетело быстро. Влах ушел в дальний угол барака, где было больше поляков. Среди них выделялся Ярош Ганек, тоже приговоренный к смертной казни за покушение на начальника гестапо в своем городке Колице и тоже помилованный фюрером с направлением на Ургедон.

– Привет, Ярош!

– А, неудачный беглец? Привет, Эрик. Странно, что тебя выпустили, а не расстреляли. Почему, хотелось бы знать?

– И ты туда же. Ну откуда мне знать, почему эсэсовцы меня не расстреляли? Может, потому, что я не попросил их об этой услуге? – улыбнулся Влах.

– Вот ты шутишь, Эрик, а по бараку идет слух, что ты согласился быть стукачом.

– Да? И кто же такой умный придумал подобную глупость?

– Ну, во-первых, это не глупость, гитлеровцы просто обязаны были тебя публично расстрелять, дважды жизнь не да-
рят. Но ты даже сутки не просидел в карцере. А во-вторых,
слухи на то и слухи, что никогда не знаешь, от кого они ис-
ходят. Однако, как говорится, дыма без огня не бывает.

Влах насторожился:

– Ты тоже считаешь, что я продался немцам?

– Не задавай ненужных вопросов, это мое дело, что я счи-
таю.

– Хорошо, но тогда пораскинь мозгами, для чего гитле-
ровцам стукач на этом острове?

– Как для чего? А вдруг узники решатся на бунт?

– Ты плохо знаешь немцев.

– Ну да, конечно, немец-то у нас ты, а я недочеловек –
поляк.

– Прекрати, я о другом. Если гитлеровцы предполагали
бы, что в этом очень странном концлагере может подняться
бунт, то они внедрили бы своих людей еще на этапе его фор-
мирования. А вербовать беглеца смысла нет. На него сразу
же подумают, что ты и доказал своим подозрением. Что ж,
пойду к себе, ни с кем разговаривать не буду, чтобы не вы-
звать подозрений.

Но поляк остановил его:

– погоди, Эрик, присядь.

– Для чего? Для того, чтобы и тебя обвинили в пособни-
честве фашистам?

– Перестань. Люди нервничают, боятся. Правда, большинство уже смирились со своим положением, но есть и такие, кто жаждет свободы.

– Ты лучше составь список, чтобы удобнее было передать часовому.

– Я сказал, перестань. Не ерничай. Я смотрю, твой друг Пехнер сломался?

Влах вздохнул:

– Сломался. А какой боевой был. Мы с ним на подрыв электростанции пошли, там нас и взяли. А до этого много неприятностей гитлеровцам доставили. И всегда Пехнер в первых рядах был. А сейчас он – другой, не тот, прежний Апсель. Готов терпеть каторжные работы десять лет.

– Его ведь тоже приговорили к смертной казни?

– Да, нас обоих.

– Как меняются люди. Но судить таких не нам.

– Это верно. Интересно, что будет дальше?

Ганек улыбнулся:

– А что, эсэсовцы, спуская тебя в карцер, не сказали?

– Больше били.

– Да не особо старались.

– Ты предпочел бы, чтобы меня изуродовали?

– Я не о том. Если офицеры запрещают издевательства, даже выпускают из карцера, и это потому, что прилетал какой-то высокий чин, то значит – что? А то, что мы им еще нужны, иначе положили бы всех на острове, чтобы не тра-

титься на распределение по концлагерям. А вот для чего нужны, непонятно. Может быть, хотят перебросить на другой остров, их в этом районе много?

Влах посмотрел на Ганека:

– Для того, чтобы в кратчайшие сроки построить еще один макет города?

– Почему макет? Строили капитально. Если ты о коммуникациях, то они, по-видимому, сейчас и не нужны. Позже проложат.

– Если британская авиация не разбомбит.

– Черт, тоже верно, прикрытие у этого острова слабое.

– И это несмотря на то, что в городе Ольденхорсте, в ста километрах от побережья, стоит штаб северного командования ПВО вермахта. Там, в самом городе, дислоцируется авиационный полк. Но что-то я не замечал, чтобы наш район контролировали «Юнкеры» или «мессеры».

Ганек сказал:

– Были, раз пять летали, а вот британцев не было.

– Прилетят, когда надо будет. У них разведка не дремлет. Просто пока не видят необходимости бомбить этот Ургедон. Не могут понять, с какой целью на нем возвели город.

– Может, и так. Но тогда какой смысл строить другие города?

– Да черт их знает. Это надо было у высокого чина спросить. Возможно, подбросят британцам дезу, что на островах под городки маскируют новые средства ПВО. И тогда те на-

летят, а их перехватят. Но что голову ломать, Ярош, нам от этого ни холодно, ни жарко.

Ганек кивнул:

– Это так, но нет ничего хуже неизвестности. Кончили бы уж или перевели бы в концлагеря, если вдруг решили смириться. Но не расстреливают и переводить вроде не собираются. Непонятно.

– То, что ситуация нервирует, это да.

Разговор прервала команда часового:

– Внимание, стройся перед баракom на поверку!

– Может, сейчас расстреляют? – усмехнулся Влах.

– Может, и сейчас. Время подходящее.

– Нет, Ярош, если решат уничтожить, то сделают это утром. Ночью трупы закапывать несподручно.

– Дожили, говорим о собственной смерти как о забаве.

– Нам-то с тобой что терять? Были уже на грани.

– Ладно, пошли, а то плетками погонят.

Это построение отличалось от обычного. Начальник лагеря дал время перед отбоем сходить в туалет, предупредив, что ночью выпускать никого не будут.

Наступила ночь. Что их ждало утром, не знал никто из узников.

А утром их подняли по распорядку в 6.00.

После скудного завтрака вновь закрыли в бараке.

Эсэсовцы начали подготовку к эвакуации.

В 12.05 к острову подошла большая закрытая баржа, при-

способленная для перевозки людей.

На буксир через баржу зашли штурмбаннфюрер Динер и начальник лагеря гауптштурмфюрер Шрайдер.

Экипаж открыл люки, спустил лестницы, внизу – скамейки. Пошел первый взвод охранной роты, за ним второй, третий, четвертый.

Командир роты задержал последнего солдата:

– Ганс, бегом к баракам, открой ворота и – быстро на баржу.

Солдат выполнил приказ.

Баржа отошла от причала. Буксир развернул ее и потащил к берегу в сторону деревни Туир.

Восемьсот метров прошли быстро. Баржа воткнулась в песчаный берег. Первым по трапу сошел начальник объекта. Увидел легковую и четыре грузовые машины. Из легковой вышли Гартнер и Баум с портфелем. Казалось, последний никогда с ним не расставался.

Динер вскинул руку в нацистском приветствии. Доложил о проведенной эвакуации.

Гартнер спросил:

– Открыть бараки не забыли?

– Нет, герр штандартенфюрер, все сделано точно по вашему приказу.

– Узники, наверное, сразу выскочили на территорию?

– Нет. Видимо, не ожидали. Сейчас, наверное, уже бродят по всему острову.

– И ничего не понимают.

Штандартенфюрер приказал:

– Начальника лагеря и командира охранной роты сюда.

– Слушаюсь, герр Гартнер.

Шрайдер и Ридель вытянулись перед полковником СС.

Гартнер обратился к помощнику:

– Баум, достань карту.

Подошел помощник, извлек из портфеля карту.

Гартнер продолжил:

– Приказом рейхсфюрера Гиммлера вы, штурмбаннфюрер Динер, назначаетесь начальником гестапо в поселке Хенсдорф, что в восьмидесяти километрах отсюда.

Динер готов был кричать от радости: это было назначение, которого он не ждал! Никакого фронта, никаких оккупированных территорий. Его оставляют в Германии, где всего и делов-то – выявлять неблагонадежных и поддерживать порядок в городке!

Гартнер взглянул на Шрайдера и Риделя:

– Вам известно, что в двух километрах на восток от поселка Хенсдорф находится полигон. С недавнего времени – секретный. Вы, гауптштурмфюрер Шрайдер, назначаетесь комендантом и начальником полигона.

– Слушаюсь, герр штандартенфюрер.

Шрайдер, минуто назад позавидовавший Динеру, тоже был готов прыгать от радости.

Застыл в ожидании Ридель. Гартнер обрадовал и его:

– Командир роты СС оберштурмбаннфюрер Ридель назначен на должность начальника охраны этого полигона.

– Слушаюсь, герр штандартенфюрер.

Черный Барон усмехнулся:

– Вижу, что вы рады. Это гораздо лучше фронта и службы в тылах наступающей армии вермахта, где развязалась настоящая партизанская война. Но не все так радужно, как вам представляется. Да, штурмбаннфюрер Динер, вы будете нести службу на полигоне в городке Хенсдорф и курировать полигон. Однако на вас возлагается огромная ответственность, так как на полигоне, который приспособлен максимум для подготовки пехотного батальона, проходят испытания секретного оружия вермахта. Кроме вас, определенного круга лиц и, разумеется, меня и Баума в Хенсдорфе об этих испытаниях не должен знать никто. На месте с обстановкой вас, штурмбаннфюрер, ознакомит ваш заместитель, оберштурмфюрер Юрген Фриз.

Для личного состава на полигоне имеются благоустроенные казармы. Порядок несения службы охранной ротой определен инструкцией, которую вы, Ридель, найдете в канцелярии роты.

Кроме того, в Хенсдорфе имеются дома для проживания офицерского и инженерно-конструкторского состава. Скажу сразу, на полигоне уже сейчас ведется подготовка к новому испытанию секретного оружия. Вы будете иметь возможность убедиться в этом сами. В общем, сейчас гаупт-

штурмфюрер с ротой убывает на полигон, там принимает дела. Штурмбаннфюрер Динер едет со мной в Хенсдорф. Держите, Шрайдер, карту, – Гартнер протянул сверток гауптштурмфюреру, – по ней вы спокойно доедете до полигона. Рота, что осуществляла охрану до сих пор, переведена в другое место, так что вам надо будет организовать обустройство подразделения Риделя и принять дела. Их передаст оставшийся для этого оберштурмфюрер Вилли Кунц, он же познакомит вас со всеми, кто находится там. И запомните: офицеры и инженеры проживают в отдельной, обнесенной внутренними рядами колючей проволоки зоне. Впрочем, вы будете иметь возможность общаться с ними хотя бы во время завтрака, обеда и ужина. Питание офицеров налажено в единой офицерской столовой рядом с Управлением полигона. Остальное более подробно объяснит оберштурмфюрер Кунц. Вопросы ко мне?

Вперед сделал шаг новоиспеченный начальник полигона:

– Я хотел бы узнать, офицерам разрешается покидать полигон?

– Да, но не более трех человек одновременно и по выходным дням, которые установит штурмбаннфюрер Динер.

– Благодарю, герр штандартенфюрер.

– Еще вопросы?

– Офицеры и инженеры секретного оружия имеют ко мне отношение или они сами по себе?

– Сами по себе. Но могут обращаться и к вам, если им

что-то потребуется. В этом случае вы обязаны выполнить их просьбу либо доложить о ней Динеру.

– Ясно, герр штандартенфюрер.

– Все! Не будем терять время. Динер, в машину. А вам, Шрайдер, – эсэсовский полковник обернулся к начальнику полигона, – начать движение через десять минут.

– Слушаюсь, герр штандартенфюрер.

Гартнер, Динер и Баум сели в «БМВ», и автомобиль пошел дорогой на Хенсдорф.

Проводив начальство, Шрайдер отдал команду командиру роты:

– Ридель, взвода к машине и – по местам. Взводные – старшие, ты едешь со мной на «Опеле».

Только сейчас командир охранной роты увидел легковую машину. Гаркнул оберштурмфюрер Маркус Ридель, его команду продублировали командиры взводов. Личный состав занял места в тентованных кузовах, начальник полигона и ротный устроились в «Опеле», которым управлял роттенфюрер.

Сидевший на переднем сиденье Шрайдер развернул карту и спросил водителя:

– Имя?

– Керт, герр гауптштурмфюрер.

– Ты знаешь дорогу до Хенсдорфа?

– Так она здесь одна.

– А как выехать на полигон?

– Нет.

– Понятно. Едем до города, там определимся по карте. Вперед!

Колонна двинулась.

Никто не заметил, как от забора, увитого плющом, отделилась тень: немец лет шестидесяти, из местных, вернулся к себе во двор.

– Интересно, – проговорил он, – надо связаться с Бергером, передать, что тут было. Но теперь уж завтра.

Пожилой мужчина, местный рыбак и член подполья Леон Матис, прошел в свой аккуратный домик рядом с прибрежной зоной. Неподалеку был причал, где стоял его собственный катер. Впрочем, катер – это громко сказано, так, большая лодка с мотором и надстройкой. В прибрежных водах на ней ходить еще можно, а вот дальше – уже рискованно: суденышко не выдержит и четырех баллов, когда волна достигает высоты двух метров.

Дома Матис принялся готовить себе ужин. Лишившись ноги на Восточном фронте, он никак не мог привыкнуть к выделенному ему чиновниками протезу. Обрубок ноги все время болел.

После ужина он прошел в спальню и горестно вздохнул. Это была их с супругой Ингой спальня. Она умерла, когда его отправляли на фронт. Детей им Господь не дал. Так и жили до войны вдвоем. Хотели усыновить парнишку, но не

получилось – не те условия. Но жили счастливо, потому что с юности любили друг друга и пронесли свою любовь до самой кончины Инги. Скоро, судя по всему, и черед Матиса. Ему сватали одиноких женщин, чьи мужья погибли на фронте, но никто не был нужен Леону.

К делу его привлек друг детства, а сейчас руководитель подпольной организации, Пауль Бергер. Матис стал подпольщиком. Он посвятил себя борьбе с ненавистным фашистским режимом, погубившим миллионы человек. В одной только деревушке в 1940 году эсэсовцы расстреляли двадцать семей евреев. Этому не могло быть прощения.

Матис опустился на диван, отстегнул наконец надоевший протез, прилег и задремал.

Узники слышали, как щелкнул замок, как упали засовы и приоткрылись створки ворот.

Пехнер взглянул на Влаха:

– Барак открыли, Эрик.

Тот вскочил с нар и подбежал к воротам. Остальные заключенные сидели как огорошенные.

Влах выглянул наружу: привычного часового нет. Посмотрел в сторону кухни – никого, пусто у штаба и у казармы.

Он взглянул на воду и увидел очертания буксира, толкавшего баржу.

– Эсэсовцы ушли! – закричал Эрик.

Народ гурьбой повалил из барачков и так же дружно оста-

новился на плацу. Никто ничего не понимал.

К Влаху подошел Ганек:

– Что происходит, Эрик?

– А я знаю? Ясно одно: эсэсовцы спешно покинули остров.

– А как же мы? Нас не могли просто так бросить.

– Значит, бросили не просто так.

Кто-то крикнул:

– Люди! Скорее в дома на северную сторону, рвите доски, сбивайте балки – стройте плоты!

Влах обернулся:

– Кто это кричит?

– Русский.

– Русский? Вот уж не думал, что в лагере окажется русский. Как он попал сюда?

– А черт его знает. Хочешь, спроси.

Но спросить не удалось. Призыв русского подхватили – заключенные побежали к строениям.

Влах стоял в недоумении. Гитлеровцы бросили остров, оставили заключенных. Этого не могло быть, но, как ни странно, это было. Нет, они явно что-то задумали, но что? Отправить сюда карателей? Это глупо: охрана сама могла перестрелять заключенных. Прислать отдельную баржу? Тоже ерунда: если бы хотели, то пригнали бы две и вывезли всех вместе. Но немцы ушли одни.

Бомбардировка! Опять же – зачем? Месяц строительства, изведена куча материалов, это большие затраты. И все для

того, чтобы разбомбить? Выманить на объект британскую авиацию и встретить ее самолетами из Ольденхорста? Но британцы могли и до этого совершить налет, однако остров их не интересовал.

Влах не мог понять, что происходит. Стало ясно одно: пока есть возможность, надо идти к лодке. Все какой-то шанс отойти от Ургедона, если эсэсовцы вернутся.

Он побежал к площадке строительных материалов. Заключенные тем временем разбирали полы, снимали балки перекрытия, бросали их в окна. На земле этот материал сбивали в плоты. Никакого управления не было. Русский попытался было взять на себя руководство толпой, но его почти никто не понимал, да и не желал слушать – народ делал то, что пришло в голову ему. Пленники стремились к свободе, к южному берегу пролива. Но разве там свобода? Там те же гитлеровцы. На плотях в открытом море не выживешь.

Влах добежал до кучи с песком. Сколько он перетаскал его отсюда на стройку! Не счесть. А вот здесь гитлеровцы пробовали бурить скважину. До воды дошли быстро, но она оказалась соленой, бросили это дело, продолжили доставлять воду с материка небольшим катером.

Он посмотрел на утес. К его подножию берег спускался полого, затем обрывался, до лодки надо было идти, согнувшись, по узкой террасе. Лодка находилась в небольшой пещере. И только Господь Бог знал, кто ее сюда загнал. Были на острове и другие плавсредства, но эсэсовцы затопили их.

А народ ликовал – свобода! Вот сбили первый плот, стали тесать из половых досок невесть откуда взявшимся топором весла. Рядом вязали второй плот. Но делалось это спонтанно, безо всякого руководства. Поэтому когда подтащили плот к воде, желающих сесть на него оказалось так много, что он тут же пошел на дно. Расстроенные беглецы вернулись на берег.

По-прежнему был слышен крик русского. Языка Влаха не понимал, но чувствовал, что этот русский пытается навести хоть какой-то порядок. Только бесполезно. Надо было всем успокоиться, подумать, но толпа есть толпа, а неожиданный поворот событий словно лишил людей разума. Вон уже началась драка за второй плот.

Влах прислушался. Что-то прошелестело в небе, и вдруг земля содрогнулась так, что Эрик свалился в яму. Хорошо, что внизу был песок и не было торчащей трубы. Ослепительная вспышка ударила по глазам даже здесь, в яме. Прогремел взрыв такой мощности, что на мгновение Влах оглох. Над ямой, сметая все на своем пути, пронесся ураган из камней, дерева и фрагментов человеческих тел.

В яму упала чья-то оторванная нога. Придя в себя, Влах бросил ее обратно вверх. Пахло дымом, гарью, еще чем-то противным до тошноты.

Очень скоро все стихло. Вновь засветило солнце, послышался плеск воды. Влах, собравшись с силами, кое-как выбрался на поверхность. То, что он увидел, вызвало настоящий шок. От города ничего не осталось. Посреди острова

зияла огромная дымящаяся воронка.

Он сделал шаг и споткнулся о чье-то безжизненное тело. Влах смахнул с чужого лица слой песка и узнал Пехнера.

– Апсель, жив?

Молчание. Влах перевернул друга – обнажилась безобразная рана с торчащими жилами и вытекающей кроваво-серой жидкостью. Влаха вырвало.

– Вот оно как, Апсель, – отдышавшись, проговорил Влах, – гитлеровцы строили город, чтобы разрушить его новейшим снарядом или ракетой. Слухи о грозном оружии Рейха давно ходили в Германии. Оказалось, правда...

Он разглядел неподалеку половину туловища с ногами. Внимательно посмотрел на нее – ран от осколков не было. Значит, такое страшное повреждение вызвала взрывная волна. Что же это за особый снаряд, способный снести все на своем пути на небольшом острове? То, что стреляли одним снарядом или ракетой, было понятно по воронке.

Влах, преодолевая боль, подошел к ней. Воронка имела пологие, оплавленные склоны и была глубиной метра четыре. Неподалеку дымилось дерево, загоревшееся от мощной вспышки. Она была раньше взрывной волны, и наверняка большинство несчастных узников ослепли еще до того, как их разорвало на части.

Послышался гул. Влах ахнул: «Неужели второй снаряд?»

Он метнулся к канаве, уже понимая, что это самолет. Закрылся остатком щита, который чудом не сгорел. Самолет

прошел на малой высоте. Сначала с юга на север, затем с востока на запад, развернулся за островом и улетел в сторону материка. Видимо, экипаж фотографировал последствия взрыва.

Не заявятся ли теперь эсэсовцы, чтобы все досконально осмотреть? Могут. И те, что были здесь, и другие. Могла прибыть и пехота, чтобы сбросить останки человеческих тел в воронку и присыпать песком. В любом случае следовало скорее добраться до лодки. Она был под обрывом, в пещере.

Лодка не пострадала, вот только грести нечем. Пришлось возвращаться, искать подходящую доску. Вместо этого он нашел совковую лопату, брошенную впопыхах на берегу. Подумав, Влах сходил на кухню. Нашел там целую буханку хлеба. Рассыпанная перловая крупа его не интересовала. Кстати, оказалась и фляга с водой. Теперь он мог просидеть в пещере хоть неделю. Еще бы теплую куртку, но где ее найдешь?

Он вернулся к лодке. Проверил, как она закреплена. В основном ее держал стержень-крюк, вбитый в камень, держал крепко, но замка не было, просто широкое кольцо, брошенное на стержень.

Влах заботливо уложил свое добро. Тело била дрожь. Не от холода, хотя здесь было намного холодней, чем наверху, а от нервов, от всего пережитого и увиденного.

Он стал ждать наступления темноты.

«БМВ» штандартенфюрера Гартнера въехала в город и

свернула на улицу Афельштрассе. У здания, на котором висел номер «16», машина свернула к воротам. Из будки вышел солдат в форме СС. Он узнал Гартнера, бросился открывать ворота.

«БМВ» остановилась во дворе. Навстречу уже спешил офицер:

– Хайль Гитлер, герр штандартенфюрер!

– Хайль, – ответил Гартнер.

Следом за ним вышли Баум и Динер.

Штандартенфюрер представил офицеров:

– Это, – он указал на встречавшего, – оберштурмфюрер Юрген Фриз, до сего дня исполнявший обязанности начальника гестапо, а теперь заместитель руководителя местной тайной полиции. А это – штурмбаннфюрер Георг Динер – вновь назначенный начальник гестапо. Фриз, проводите нас в кабинет.

Офицеры поднялись на второй этаж мрачного здания.

Там Гартнер сел на место начальника. Справа расположился помощник Баум, слева – Динер и Фриз.

Унтерштурмфюрер достал из портфеля фирменный бланк:

– Это приказ о назначении господина Динера шефом тайной полиции в Хенсдорфе и его заместителем – оберштурмфюрера Фриза. Оставьте его у себя.

Фриз кивнул Динеру:

– Очень рад.

Гартнер криво усмехнулся:

– Рад, что лишился перспективы повышения?

– Рад знакомству. А служить фюреру, герр Гартнер, я готов где угодно: на любой должности и в любом звании.

– Тогда, может, мне организовать ваш перевод командиром пехотного взвода на Восточный фронт?

Фриз поник, но сумел выдавить:

– Готов выполнить любой ваш приказ.

– Не надо врать, Фриз, здесь вам вполне уютно. Конечно, вы ожидали, что вас утвердят в должности, но, в конце концов, и заместителем быть неплохо, особенно в спокойном городе. Разве я не прав?

– Вы, как всегда, правы, герр штандартенфюрер.

Гартнер устроился удобнее:

– Распорядитесь, Фриз, чтобы ваш секретарь приготовила кофе.

– Да, герр штандартенфюрер.

Фриз вызвал секретаря, худую длинноногую молодую женщину в форме роттенфюрера.

– Лора, свари господину Гартнеру кофе. Такой, как он любит.

– Слушаюсь.

Женщина, явно незамужняя, развернулась и, покачивая своим плоским задом, вышла из кабинета.

Гартнер взглянул на Динера:

– Как вам ваш секретарь?

Штурмбаннфюрер отчеканил:

– О ее способностях и соответствии должности можно судить только по делам.

– А внешность разве роли не играет?

– Абсолютно никакой.

– Хороший ответ, но не правдивый. Вы наверняка предпочли бы видеть секретарем смазливую фигуристую фройляйн.

– На службе это не имеет никакого значения.

После кофе штандартенфюрер взглянул на часы. Кивнул помощнику:

– Документы, Баум.

Тот выложил пару схем с пояснительной запиской.

Гартнер посерьезнел:

– Довожу до вас, господа, совершенно секретную информацию. И, по сути, то, что должно стать главным в вашей службе.

Офицеры подтянулись.

– Слушаю, герр штандартенфюрер! – крикнул Динер.

Полковник поморщился:

– Спокойней, Динер, спокойней, не следует так бурно проявлять свое рвение. Это пустое. Вы правильно заметили, что на службу не должны влиять внешние факторы. Это инструкции для вашей предстоящей работы.

Затрещал телефон. Фриз потянулся за трубкой:

– Разрешите, герр Гартнер?

Видимо, ему в отличие от Динера позволялось называть полковника по фамилии.

– Это меня, передайте трубку.

Фриз подчинился.

– Штандартенфюрер Гартнер. Да, хорошо. Самолет сделал снимки? Ясно, я посмотрю... понял. К вам, гауптман, скоро подъедет колонна. Там начальник объекта и рота охраны. Им поставлена задача... что? Слушаю. Нет, гауптман, в ваш сектор им доступа нет. Это лишнее. Занимайтесь с доктором своей работой, у вас есть не менее двух недель отдыха. Когда подойдет второе орудие? Хорошо. Вы знаете, что делать. Конечно, доволен. Хайль! Минуту, – проговорил Гартнер, набирая номер. – Это Гартнер, когда вы планируете убить на объект? Хорошо. Все по плану. Доставка материалов будет проводиться уже с 22-го числа. На возведение две недели. Шестого октября объект должен быть сдан. Работайте. – Гартнер передал трубку Фризу: – Теперь о секретном объекте, схема которого перед вами. Как видите, объект расположен на территории полигона. Там в последнее время выставлено одно новое, мощное орудие. Всего их в Нюрнберге готовится четыре, батарея. Командир батареи, командир расчета первого орудия, а также конструктор и инженер находятся там же, на полигоне. Кстати, сегодня орудие впервые произвело выстрел снарядом-ракетой повышенной мощности. И знаете, что он поразил, Динер?

– Откуда мне знать?

– Ваш объект на острове Ургедон. Командир батареи доложил о результатах, которые ему передал командир самолета, производившего съемку. Они превзошли все наши ожидания. То, что построили заключенные, а также казарма, столовая и штаб сметены с лица земли, от них остался только пепел. Естественно, уничтожены и все заключенные. На остров завтра придут новая администрация и новая охранная рота с похоронной командой, а также заключенные из концлагеря Дерин. Уже двести человек... но это вас не касается. Ваша задача – обеспечить функционирование самого объекта на полигоне. В пояснительной записке указаны звания и фамилии офицеров-артиллеристов и инженеров. Их пока четверо: гауптман Куно Фальк, лейтенант Леон Ципнер, инженер-конструктор доктор Эберт Беренс и его помощник инженер Хейно Хаген. Хочу заметить, все эти люди назначены на должности личным секретным приказом рейхсфюрера Генриха Гиммлера. Не мне вам объяснять, что он является другом фюрера и одним из самых влиятельных фигур Рейха. У Фалька еще десять солдат расчета. Через две недели ожидается прибытие второго орудия с расчетом. Вижу, вы хотите спросить, если орудия подготавливаются в Нюрнберге, то где производятся боеприпасы, те самые снаряды-ракеты, так?

Ответил Динер:

– Это, конечно, интересно, но я бы не ставил так вопрос, герр штандартенфюрер.

– А вот здесь вы можете называть меня по фамилии. – Гартнер словно умел читать мысли. – Мой ответ удивит вас. Три месяца назад на местном патронном заводе была произведена модернизация производства, построен дополнительный цех.

Фриз кивнул:

– Мне это известно.

– Это известно всему городу, но никому не придет в голову, что именно там, в отдельном цехе, и собираются эти чудо-снаряды.

– Как? – воскликнул Фриз. – На нашем патронном заводе?

– Да, – рассмеялся штандартенфюрер, – бьюсь об заклад, вы думали, что их производят где-нибудь под Мюнхеном, в горах.

– Так точно. Я бы ни за что не поверил, что снаряды-ракеты делают в Хенсдорфе. Но, насколько мне известно, дополнительный цех не был запущен в эксплуатацию.

– А вы хотели, чтобы о снарядах новейшей мощности знало все население города?

– Нет, но кто-то же должен там работать?

– Там работают особые специалисты. Там же, в цеху, оборудованы комнаты отдыха, душевые, туалеты, столовая, заполнен склад продовольствия, имеются свой повар, врач – там есть все для того, чтобы делать снаряды. Внешне же это – неработающий цех.

– Директор завода, герр Шмиц, тоже не знает о секретном

производстве?

– Он и главный инженер Фестер Флейшер в курсе того, что производится в цехе. Руководит же производством начальник цеха, назовем его вспомогателем, Йохан Бремеринг, между прочим, оберштурмбаннфюрер СС. Каждый специалист был утвержден в РСХА. Это надежные люди. Так что патронный завод – еще один объект вашего повышенного внимания, герр Динер. В случае необходимости названные лица могут связаться с вами, но беспрепятственно вы обязаны исполнять только приказ оберштурмбаннфюрера Бремеринга.

Фриз задумчиво проговорил:

– Не могу понять.

– Что? – повысил голос Гартнер.

– В небольшой пристройке – и целое производство новейших снарядов?

– Вот вы о чем. Я оговорился: не производство, а сборочные работы. Все комплектующие были завезены на завод еще при строительстве. А для того, чтобы собрать снаряд, много места и специалистов не требуется. Но – довольно об этом.

Динер спросил:

– Извините за бестактный вопрос, герр Гартнер, вы будете находиться в Берлине?

– Действительно бестактный вопрос. Где я буду находиться, вас совершенно не касается. Но позвонить в кабинет или

на квартиру, которую вам покажет Фриз, я могу в любую минуту. А сейчас я выезжаю в Ольденхорст. Не надо меня провожать. Схема и пояснения остаются у вас, они должны храниться в сейфе.

Динер кивнул:

– Да, герр Гартнер.

Штандартенфюрер встал, выкинул руку:

– Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – ответили на прощание эсэсовцы.

Вскоре «БМВ» выехала из ворот гестапо и направилась из города.

Влах отсиживался в пещере до темноты. На острове за это время ничего не изменилось. Ночью он напоминал опрокинутое звездное небо: сквозь гарь светились тлеющие головешки, похожие на звезды. Только цвет их был не холодно-голубой, а тепло-красный.

Влах дождался прилива, сбросил цепь, стащил лодку на воду и запрыгнул внутрь. Волной ее бросило на берег, пришлось пускаться в ход лопату. Кое-как он отчалил от острова, выровнял лодку и начал упорно грести.

Он миновал остров, теперь представляющий собой большое ровное плато. Не было и намека, что еще утром здесь стоял только что отстроенный городок.

Лодку подхватила попутная волна. Это было кстати. Влаhu оставалось только выдерживать направление. Светили

звезды, белела большая луна, впереди появилась черная, с редкими огнями полоса суши. На этой полосе угадывалось высокое здание кирхи.

Влах сумел выдержать направление и подошел прямо к причалу, где стоял катер Матиса. Он загнал лодку под деревянный настил, выбрался на берег. Подумал, надо бы затопить, все же в деревне немного лодок, чтобы не заметить чужую, но под рукой не было необходимых инструментов.

Дом Матиса стоял рядом, за невысоким забором. Окна не светятся, видно, спит старый подпольщик. Влах залег у причала в кустах, внимательно глядя на деревню. Никого. В отдельных домах горел свет.

Полосатая роба выделялась в темноте, особенно в свете фонаря. Пришлось заходить со стороны моря. Влах перемахнул через забор. К нему с рычанием подлетела овчарка.

– Блек! Это я. Забыл меня, дружище?

Пес насторожился. Склонил голову набок.

– Блек, это я. Ну, подойди, вот только угостить мне тебя нечем.

Пес повел носом, хвост качнулся из стороны в сторону, мокрая морда уткнулась в ноги. Влах погладил его по жесткой шерсти:

– Узнал, старый. Хозяин твой дома?

Пес словно понял: побежал к крыльцу и сел на ступеньке.

– Смотри-ка, понимает.

Влах дернул дверь – закрыто. Он знал, где спальня Ма-

тиса. Прошел вдоль стены и тихо постучал в окошко. Тихо. Постучал громче, огляделся – не заметил ли кто.

Наконец зажегся свет, в окне появилось лицо Матиса:

– Кто?

– Это я, Эрик, дядя Леон.

– Эрик? Влах? – удивился подпольщик. – Откуда ты?

– Пусти.

– Да, подойди к задней двери.

Матис открыл. Он был на костылях.

– Ты откуда, чертяга?

– Оттуда, дядя Леон, откуда обычно не возвращаются.

– Заходи!

Матис пропустил гостя, крикнул овчарке:

– Охраняй!

Матис провел Влаха на кухню, зашторил окна, приглушил керосиновый фонарь.

– Бежал?

– Бежал.

– Откуда? Где тебя держали? Поблизости вроде концлагерей нет.

– С острова Ургедон.

– Подожди, там сегодня днем такой взрыв был, что у нас в деревне в некоторых домах стекла повыбивало и огненно-дымное облако поднялось высоко. Люди гадали, что это могло быть, а до того с той стороны баржа с эсэсовцами причалила... Это что же, гитлеровцы подорвали остров?

– Погоди, дай передохнуть и закурить, если есть.

– У меня табак трубочный. Трубка есть, папирос не держу.

– Пойдет.

Закурив, Влах начал рассказывать:

– На острове, дядя Леон, творился суший ад. Но подорвали остров не те гитлеровцы, что ушли оттуда. Это был снаряд или ракета.

– Такой мощности?

– Нас было около ста заключенных, мы там целый город построили. При взрыве снесло все, людей на куски разорвало. Это какое-то новое оружие, дядя Леон. Стреляли с материка, скорее всего, со стороны Хенсдорфа.

– Наши люди ездили туда сегодня после обеда и слышали громкий выстрел восточнее Хенсдорфа.

– Долбануло так, что все снесло к чертовой матери в один момент. Огромной силы заряд. И без осколков. Сначала шар огненный, потом взрыв и ураган.

– С тобой же Апсель был Пехнер? Или вас по разным концлагерям отправили после помилования?

– Со мной был.

Влах отвел глаза в сторону:

– Мы с ним в ночь бежать собирались. Нашли там лодку под обрывом, в пещере. А потом взрыв. Апселя на куски, меня бросило на настил, где скважину бурили, я упал вниз, потому и спасся, один из всех заключенных. На лодке приплыл сюда, больше некуда.

– А где лодка?

– Под причалом, хотел затопить, нечем было дыру в днище проделать.

– С этим я разберусь завтра. Надо обо всем Бергеру сообщить.

– Мне тоже перебраться бы в Хенсдорф.

– Это Пауль решит. Я сейчас накормлю, напою тебя, тут же в комнате можешь помыться, одежду свою старую дам, робу сожгу. Завтра поеду в Хенсдорф к Паулю Бергеру. Представляю, как он удивится, что ты жив и на свободе.

– Лишь бы не посчитал за предателя.

– Мы тебя знаем, не беспокойся. А если ты действительно предатель, – Матис усмехнулся, – тогда долго не проживешь. Мы казнь на срок не заменяем.

– Ну, спасибо. Нет, чтобы поддержать, казнью грозишь.

– С Паулем будешь говорить, а сейчас покури пока, я все подготовлю.

– А как лодка?

– Скажу, ко мне приплыли друзья. Проверять некому. Спать будешь в той комнате на диване. Утром подниму в восемь часов.

Помывшись, переодевшись и наконец-то поев и выпив сто граммов шнапса, Эрик сбросил лагерную робу и уснул мертвым сном на диване. А Матис еще долго сидел на кухне, думая о своем.

Глава третья

21 сентября в понедельник утром Матис разбудил Влаха:

– Вставай, Эрик.

– Что случилось? Где я? Леон? Фу, черт. – Влах не сразу понял, где находится.

– Вставай, Эрик. Посмотри, что творится у причала.

Влах вскочил, быстро, как приучили гитлеровцы, оделся в крестьянскую одежду и подошел к окну.

На площадке стояли грузовые тентованные «Опели». Из них эсэсовцы выгоняли арестантов. Подавая громкие сигналы, в пролив входил буксир с баржей.

Матис взглянул на Влаха:

– Что это значит, Эрик? Там же на острове гитлеровцы все уничтожили.

– Видимо, эти несчастные, – Влах кивнул на заключенных в полосатых робах, – будут там делать то же, что и мы. А затем их расстреляют так же, как и нас.

– Гляди, еще грузовик.

Подошла колонна из восьми автомобилей, из которых стали выпрыгивать эсэсовцы с собаками.

– А народа-то нагнали больше, чем в прошлый раз.

– Да, в первых четырех машинах около ста и во второй колонне столько же.

– Баржа причалила.

- Две ходки придется делать, – подытожил Влах.
- Больше. Ты не посчитал эсэсовцев.
- Ну и подонки! Ты когда поедешь в Хенсдорф?
- Теперь уж как только все стихнет.
- Понятно.

Они видели, как эсэсовцы погнали первую партию в сто человек к барже. Вскоре, подавая сигналы, буксир повел ее к Ургедону. И так четыре раза.

– А вот и их главный, – сказал Матис, – штандартенфюрер Гартнер.

К причалу, объезжая грузовики, подкатил легковой автомобиль «БМВ». Из него вышел полковник СС со своим помощником и гауптштурмфюрером.

– Похоже, – проговорил Влах, – гауптштурмфюрер – новый начальник объекта.

– Скорее всего. Вон унтерштурмфюрер передал ему портфель.

– С документацией на строительство. Вопрос, что на этот раз будут строить на Ургедоне?

– Боюсь, мы этого не узнаем. Вряд ли кому-то из заключенных этой партии повезет, как тебе.

Влах вздохнул:

– Да и лодок больше нет на острове. А надо бы узнать.

– Это теперь только если Пауль что-нибудь проведает.

Суэта в прибрежной деревне Туир продолжалась до полудня. В 12.20 штандартенфюрер с помощником сели в

«БМВ», и автомобиль пошел в сторону Хенсдорфа. Грузовики выстроились в колонну и пошли следом.

Матис отошел от окна:

– Перекусим?

Влах покачал головой:

– Нет. Если только выпить. Меня колотит всего.

– Пройдет. А выпить? Почему нет? Немного?

Он налил бывшему узнику сто граммов водки. Влах выпил, не поморщившись, закурил.

Матис осторожно посмотрел на старые часы на столе.

– Гитлеровцы уже на подъезде в Хенсдорф, пора и мне. Лишь бы «Фиат» не подвел. Старый он.

– Да ты же на нем почти не ездил!

– Я – нет, а до меня? Я купил его в магазине подержанных автомобилей. На новый не хватило, надо было еще катер купить.

– Доедешь?

– Помоги.

Скрываясь за кустами, они прошли к сараю, где стоял автомобиль, покрытый толстым слоем пыли.

Матис сел за руль, повернул ключ. «Фиат» завелся сразу.

– Ты смотри, – улыбнулся Матис, – он еще ого-го!

Влах взял тряпку, начал стирать пыль. Матис принес воду. В 13.00 блестящий на солнце «Фиат» выехал во двор.

Леон предупредил Влаха:

– Я закрою тебя в доме. Сиди тихо, захочешь выйти –

там есть задняя дверь. Но старайся, чтобы тебя никто не видел. Люди изменились: помогали друг другу, сейчас каждый сам по себе. Гитлеровцев боятся, хотя большинство приняло идеологию фашизма. Если заметят чужака, тут же сообщат старосте, а он – в полицию Хенсдорфа.

– Да понял я все, дядя Леон.

– Ты слушай. Если вдруг заявится полиция или жандармы, лезь на чердак, там хлама – черт ногу сломит, укроешься.

Влах удивился:

– У тебя бардак на чердаке?

– Специально сделал. Вот видишь – пригодился. Если будешь вести себя тихо, никто не сунется. Радио делай тише, а лучше не включай совсем, новости я тебе сам расскажу.

– Ты, дядя Леон, насчет документов Паулю скажи. Куда мне без документов-то?

– Скажу. Что-нибудь придумают ребята...

– ...если не сочтут за предателя и поверят в чудодейственное спасение.

Матис кивнул:

– Кому другому точно не поверили бы, но не тебе. А спасение? Так на свете и не такие чудеса происходят. Ладно, ступай в дом, еда на кухне, печь не топи, я к ужину вернусь.

– Счастливого пути!

– Ладно.

Влах ушел в дом. Матис закрыл его на навесной замок,

вывел «Фиат» на улицу, стал закрывать ворота.

Подошел сосед:

– Приветствую, Леон!

– А-а, Генрих! Привет!

– Видал, сосед, что тут на площади было?

– Видал.

– Ох, не нравится мне все это.

– А кому нравится?

– Это – да. Ты куда это собрался?

Матис посмотрел на соседа:

– Я должен перед тобой отчитываться?

– Зачем ты так? Я просто спросил, мне надо курева купить, а в нашем магазинчике только дорогие сигареты остались.

– Давай деньги, куплю.

Сосед передал несколько купюр:

– Здесь на двадцать пачек.

– Ладно. Тебе какие?

Генрих назвал марку дешевых сигарет.

– Хорошо. Ну что смотришь? В Хенсдорф я еду.

– Что-то ты какой-то нервный.

– Будешь тут нервный. Взрыв на острове слышал?

– Кто же не слышал! Я и огненное облако видел.

– А сколько туда арестантов погнали?

– До них мне дела нет. Не выступай против власти, никто не тронет.

Матис посмотрел на соседа:

– Слушай, Генрих, а ты почему не в армии? Вроде не больной, не калека, как я. В местной артели значишься, так это не дает освобождения. Или липовые документы купил?

– Да ты что! Какие документы? А не в армии потому, что не призывают. Вернее, пока не призывают. Недавно вызывали в Хенсдорф, в комендатуру. Предупредили, чтобы из деревни не уезжал, похоже, скоро призовут. Жена уже приготовила рюкзак. Так что, Леон, я от армии не бегая, призовут, пойду, куда пошлют. Спросишь, есть ли желание служить? Отвечу – да, потому как сейчас верить никому нельзя.

– А на самом деле ты предпочел бы остаться дома?

– Нет, горю желанием попасть на фронт. Особенно на Восточный.

– Ладно, извини, если обидел. Ты малый неплохой. Не то что некоторые.

– Я не обижаюсь.

– Поехал я, Генрих.

– За домом присмотреть? В море все одно пока не выпускают.

Матис остановился:

– Почему?

– А черт его знает. Староста сказал, сидеть в деревне, в море не выходить. Мол, распоряжение бургомистра Ольденхорста.

– Это все из-за Ургедона.

– Но людям-то надо на что-то жить! Хорошо, у тебя пенсия.

– Это ты старосте скажи, я ничем помочь не могу.

– Да ясно. Счастливого пути, не забудь, пожалуйста, про сигареты. Такие дешевые только на окраине продают.

– Я знаю. А за домом смотреть нечего. Что ему пустому будет?

– Ну, как хочешь, пойду к Мартину, вина выпьем. А что еще делать?

– И то верно.

Матис сел в машину. Посмотрел в зеркало заднего вида: уж слишком не вовремя подошел этот Генрих, раньше такого не было. Но сосед уже свернул в проулок, где жил его товарищ по артели Мартин.

Матис выехал на шоссе. И тут же нарвался на жандармов на двух мотоциклах с колясками. Хорошо еще, без пулеметов. Старший поста поднял жезл с красным кружком. Матис съехал на обочину.

– Фельдфебель Кубер. Ваши документы?

Матис показал паспорт на машину и удостоверение инвалида войны.

Последнее подействовало на жандарма.

– Где воевали, герр Матис?

– На Восточном фронте.

– Россия?

– Россия, ефрейтор.

– Понятно. В последнее время оттуда много гробов приходит.

Матис заметил:

– А еще больше хоронят прямо там. Но недолго осталось, герр фельдфебель, вермахт переломит Красной армии хребет, и мы еще пройдем по их Красной площади.

– Да, герр Матис. Вынужден задать вопрос: зачем и куда вы направляетесь?

– Отвечу, но ответьте сначала вы, герр фельдфебель: отчего у нашей деревни вдруг выставили посты жандармерии? Вы кого-то разыскиваете?

– Таков приказ, и обсуждать его я не имею права.

– Ну да, конечно, приказ есть приказ. Я почему спросил: если вы кого-то ищете – скажите, я в округе всех знаю.

– Никого мы не ищем, герр Матис, просто обеспечиваем порядок.

– Ясно. Я еду в Хенсдорф. Кое-что починить, кое-что купить, а если получится, и продать.

Фельдфебель предупредил:

– Вообще-то выезд из деревни ограничен. Скоро будет по пропускам, пока их не подвезли, но вам как ветерану и инвалиду дорога свободна.

– Благодарю.

Жандарм козырнул. Матис продолжил путь.

Он въехал в Хенсдорф в 14.10. Миновав окраину, выбрался на Либигштрассе, проехал по Альтерплацу, свернул

на Ригельштрассе, через квартал остановился. Здесь можно было поставить машину, не привлекая внимания полиции. Прошел пешком до соседнего квартала. Зашел в лавку с надписью «Часовых дел мастер». Над дверью звякнул колокольчик.

За столом посреди небольшой комнаты сидел мужчина лет шестидесяти, руководитель местного антигитлеровского подполья Пауль Бергер. Увидев вошедшего, он снял лупу, отложил в сторону пинцет.

– Матис? Вот кого не ждал.

– Добрый день, Пауль, хотя какой он, к черту, добрый.

– Чем ты так расстроен?

– Новость у меня для тебя. И даже две.

Пауль улыбнулся:

– Как обычно, хорошая и плохая? Если так, начинай с плохой.

– Они связаны между собой. В общем, ко мне заявился Влах...

Бергер удивленно проговорил:

– Эрик? Он что, бежал из концлагеря?

– Мы можем спокойно говорить?

– Да, только дай мне свои часы. Чтобы все выглядело правдоподобно.

Матис выложил старые карманные часы на серебряной цепочке.

Бергер снял крышку, пододвинул к себе.

– Говори, Леон.

– Я присяду?

– Возьми стул у окна, заодно посмотри, нет ли там кого любопытного.

Матис присел напротив часовщика и подробно рассказал о взрыве на острове, о вчерашнем появлении Влада и о событиях сегодняшнего утра.

Бергер слушал внимательно, в конце ударил кулаком по столу:

– Звери бешеные, кровожадные звери! Это надо же такое устроить! А мы-то думали, куда это стреляло большое оружие?

– О каком оружии ты говоришь, Пауль?

– Неважно. Тебе пока не надо знать. Держи при себе Влада, пока мы не сделаем ему новые документы. Для всех он пропал. Значит, подойдут любые, только с его фото. Фото сделаем позже. Пока пусть он поживет у тебя, но с соблюдением всех мер предосторожности. Из дома – ни ногой, в окнах не показываться. У нас в отряде Тойтера есть фотограф, бланки достанет Вильда Зингер через своего любовника. Он теперь заместитель начальника гестапо. А начальник... ты говоришь, видел, как эсэсовцы сходили с баржи?

Матис оживился:

– Да. А встречал эсэсовцев штандартенфюрер Гартнер. Его фамилию громко назвал один из офицеров.

– Кто на ней был старшим по званию?

– Штурмбаннфюрер.

– Вот как! Как раз штурмбаннфюрера Динера назначили начальником гестапо в Хенсдорфе.

– По-моему, его так и звали.

– Проверим. Так-так-так. Значит, всего один взрыв – и целого городка нет?

– Все превращено в пепел, заключенных порвало на куски.

– А Влах, значит, уцелел?

– Я уже объяснял, как это произошло.

– С его слов. Ладно. Если бы его завербовали, то не стали бы держать на острове в момент обстрела. Он мог бы погибнуть или утонуть при переправе. Будь волнение моря сильнее, так и произошло бы. Гитлеровцы не могли знать, какой будет погода. А ветер у вас налетает неожиданно. Так?

– Так!

– С другой стороны, такое везение?

– Эрик больше всего опасается, что ему не поверят.

– А что он хотел? Столько человек погибло, а он остался невредим, сумел найти лодку, которую не заметили охранники, и переправился через пролив.

Матис взглянул на руководителя подполья:

– Ты все же склоняешься к тому, что Эрик спасся не случайно?

– Я хочу ему верить. Но и он должен понимать: что невозможно проверить, мы на веру не берем. И это касается абсо-

лютно всех. Ему придется смириться с мыслью, что теперь он будет под контролем. Пока мы не убедимся, что он рассказал правду о своем чудесном спасении.

– Это обидит его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.